

ством в топографической съемке; а потому и в лекциях его по географии преобладали топографические подробности; в летнее же время он руководил учебными работами офицеров по съемке. На лекциях подполковника Языкова не пришлось мне присутствовать; но достаточно хоть раз поговорить с ним, чтобы составить себе понятие о преподавании такого профессора.

“Обязанности офицеров Генерального Штаба” преподавал полковник Генерального Штаба Аполлос Алексеевич Иванов. Это был человек молодой, имевший репутацию опытного офицера, знатока канцелярской работы по части Генерального Штаба. Он мог бы приносить большую пользу обучающимся офицерам, если бы ограничился практическими занятиями, письменными и чертежными; но полковник Иванов считал нужным (а может быть, и обязательным) читать нам “лекции”, придать своему преподаванию научную форму; вместо того вышел какой-то бессвязный набор узаконений, форм, отрывочных правил, замечаний и т.д. К тому же, он был не мастер говорить с кафедры, тянул, повторял слова и подавал молодежи повод к насмешкам. Тем не менее, полковник Иванов пользовался некоторым авторитетом по занимаемой им в Академии должности “штаб-офицера для начальствования над обучающимися офицерами”. В такой же должности состояли и подполковник Стефан и саперный полковник Василий Иванович Блау. Последний, впрочем, занимался почти исключительно литографированием и раздачей офицерам записок и других учебных пособий.

О преподавании остальных второстепенных предметов академического курса я мог бы и не упоминать, так как оно заканчивалось в теоретическом отделении. Назову только преподавателей: полковника Егора Христиановича Весселя — старого, почтенного артиллериста, издавшего объемистый учебник по своему предмету; инженер-капитана Федора Федоровича Ласковского, преподававшего фортификацию, полевую и долговременную; действительного статского советника Ивана Петровича Шульгина, читавшего историю трех последних веков, слово-в-слово по тем же запискам, по которым читал во многих других учебных заведениях (лицее, Пажеском корпусе и проч.); титулярного советника Палибина, преподававшего законоведение. Все эти предметы преподавались крайне элементарно, отрывочно и сжато. Но самым пустым и бесполезным было преподавание русской словесности профессором Никитой Ивановичем Бутырским; этот чудак, давно отживший, убивал свои часы самой разнообразной болтовней. Правда, мы практиковались в письменных работах; некоторые из подаваемых нами сочинений Бутырский разбирал в классе; но и в этом приносил он мало пользы, а только раздражал иных авторов своими неуместными шуточками и насмешками. У старика были две зрелые дочери, и потому он любил, чтобы учащиеся офицеры посещали его вечеринки; раз пришлось и мне быть в числе приглашенных. Трудно придумать что-нибудь более комичное этих вечеров.

Д. А. Милютин (1816—1843) М., 1997

Граф
Алексей Андреевич
Аракчеев

Остается еще назвать преподавателей иностранных языков: французского — м-г Sougnand и немецкого — Эртеля. В часы, назначенные на этот предмет, мы кое-что писали, переводили, но успехов было мало по чрезмерной ограниченности уделяемого на это времени. Мы были так обременены занятиями по главным предметам курса, что занятиям по иностранным языкам вовсе не придавали значения. Однако ж, некоторые из моих товарищей находили время брать на дому еще уроки восточных языков.

В заключение я должен очертить наших прямых начальников: директора Академии генерал-адъютанта Ивана Онуфриевича Сухозанета и вице-директора генерал-майора Карла Павловича Ренненкампа. Нельзя подобрать двух типов, более противоположных. Насколько Ренненкампф был добродушен и мягок, настолько же Сухозанет был крут, взыскателен, придирчив. С обучающимися офицерами первый обходился учтиво, гуманно; второй считал нужным держать их в строгой дисциплине, как будто искал

случаев, чтобы показать свою власть. Ренненкамппа мы любили и уважали, а Сухозанета — боялись и ненавидели.

В те времена господствовала в военной службе, можно сказать, система террора: только тот начальник считался исполнительным, надежным, который держал подчиненных, по тогдашнему выражению, “в ежовых рукавицах”. Сухозанет был достойный ученик Аракчеева и Яшвиля: не ограничиваясь строгостью в служебных требованиях, он допекал подчиненных всякими мелочными стеснениями и готов был из-за каких-нибудь пустяков погубить всю будущность офицера. Самой неприятной и тяжелой обязанностью обучавшихся офицеров были установленные дежурства у директора: каждый день один из офицеров поочередно должен был по окончании лекций, вместо отдыха и обеда, отправляться в мундире и шарфе к генералу Сухозанету (за Аничковский мост, на Невском проспекте) и ждать в его приемной часа, когда угодно будет его высокопревосходительству потребовать к себе дежурного. Случалось, что до самого вечера не был он дома; иногда же и был дома, но умышленно заставлял дежурного офицера сидеть без дела несколько часов в приемной и по временам высматривал через щель двери — сидит ли он с подобающей месту почтительностью. Обыкновенно же он, перед своим обедом, призывал дежурного к себе в кабинет и задавал ему какой-нибудь вопрос из программы пройденного курса с тем, чтобы офицер подготовился к “докладу” на заданную тему. Отобедав, его высокопревосходительство располагался в своем кабинете на покойном диване (оттоманке), а дежурного офицера сажал перед собой на стул и приказывал ему рассказывать; сам же дремал под монотонный говор своей жертвы. Если офицер, видя своего начальника погруженным в сон, остановится, умолкнет, то грозный начальник, открыв глаза, с неудовольствием приказывает продолжать. Случалось даже, по словам некоторых из моих товарищей, что генерал Сухозанет принимал описанные “доклады”, сидя в ванне. Отбыв благополучно дежурство, офицер крестился, выходя из дома начальника.

Лично мне генерал Сухозанет ни разу не причинил никакой неприятности; напротив того, обыкновенно обращался со мной, насколько мог, любезно. Этим я был обязан, может быть, отчасти родству моему с П.Д.Киселевым. Но генерал Сухозанет наводил страх и трепет на всю Академию *in corpore**. Приведу один пример его начальственных приемов: однажды, в какой-то торжественный день, на большом выходе в Зимнем дворце, заметив, что некоторые из служащих и обучающихся в Академии приезжали не довольно заблаговременно, генерал Сухозанет счел нужным “проучить” нас и приказал всем отправиться прямо из дворца в Академию, где и ожидать его прибытия. Заставив всех нас, с генералом Ренненкамппом во главе, прождать несколько часов в полной форме, он прислал, наконец, адъютанта с объявле-

* в целом (пер. с лат.).

нием, что сегодня его высокопревосходительство не изволит приехать, и приказал собраться всем на другой день в определенный час также в полной форме. На другой день опять вся Академия прождала прибытие начальника до захождения солнца и опять напрасно; вторично было приказано собраться на следующий день; но и в этот третий раз Сухозанет не явился, а приказал просто разойтись. Академия получила достаточный урок.

Таковы были тогда нравы в военной службе. Подобные выходки самодура никого не поражали; все, не исключая старых заслуженных генералов, безропотно покорялись произволу старшего начальства. В этом только и выражалась тогдашняя военная дисциплина. Можно ли удивляться, что в позднейшие времена, когда наступили требования законности и гуманности в служебных отношениях, старики долго не могли усвоить новые взгляды и скорбели о потере прежней дисциплины.

В первый день нового 1836 года мы с братом, как разумеется, явились с поздравлением к дядюшке Павлу Дмитриевичу Киселеву и получили от него обычные подарки. Неохотно принимали мы эти подарки, чувствуя в обращении дяди какую-то натянутость и холодность, хотя он в то же время, в письмах к родным, отзывался о нас с похвалами. Так, в письме к своей матери от 24 декабря 1835 года, выражая прискорбие о неудачном исходе отцовского дела в Государственном Совете, Павел Дмитриевич писал: "Для сестры утешение должно быть в детях: ее старший сын на счету отличных офицеров и, вероятно, службой сделает свою карьеру; младший помещен выгодно, и мне будет приятно ходатайствовать о нем у его начальства"⁵⁶.

Такие отзывы дяди, не щедрого на любезность к родным, доставляли, конечно, утешение нашим родителям в незавидном их положении. Письма из Москвы, особенно от матери, были по-прежнему крайне грустны. Она вела жизнь уединенную, виделась только с немногими навещавшими ее близкими лицами*. К тому же, семья Киселевых была встревожена серьезной болезнью старушки Прасковьи Петровны, у которой сделалось воспаление в боку. Такая болезнь в преклонных летах была небезопасна, тем более, что у больной замечались признаки водяной. Однако ж, к концу января она почувствовала облегчение и вскоре совсем поправилась**.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: (Елизавета Николаевна Киселева, Порфирий Павлович Коробьин, Деменьков) (прим. публ.).

** Незадолго перед этой болезнью Прасковья Петровна Киселева испытала большое огорчение, лишившись родного брата князя Александра Петр<овича> Урусова; он умер 19 октября 1835 года, оставив двух дочерей — Александру и Софью. Первая, очень красивая и симпатичная, была замужем за Ал<ексеем> Ст<епановичем> Мельгуновым.

ное внимание и покровительство, получил новое назначение — на должность управляющего вновь учрежденным V отделением Собственной Его Величества канцелярии, под главным ведением Павла Дмитриевича Киселева⁵⁹. Брат очень горевал об этом и помышлял о переходе, вместе с начальником своим, на службу во вновь устраивавшемся Управлении государственными имуществами. Но Карнеев отсоветовал ему просить об этом, справедливо указав на неудобство и даже невыгоды службы под прямым начальством близкого родственника. В том же смысле высказался и сам П. Д. Киселев. Отец также писал брату, что нет причины скорбеть о перемене начальника; что не следует связывать свое служебное поприще с какой-либо личностью; что, быть может, преемник прежнего начальника не будет ни в чем уступать этому последнему. Предсказание это сбылось: директором Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел назначен был тайный советник Михаил Иванович Лекс — человек деловой и вместе с тем очень добродушный. Брата он принял чрезвычайно любезно и оказывал ему не меньше внимания, чем предместник. Вскоре брат познакомился с любезной и красивой женой М. И. Лекса и потом сделался в его семье почти домашним. Брат убедился, что не было причины скорбеть о перемене начальства.

Приезжавшие по временам в Петербург московские родственники и знакомые показывали нам теплое участие; родители наши выражали желание, чтобы и мы со своей стороны оказывали внимание и сочувствие приезжим москвичам. Так в 1836 году большую часть лета провела в Петербурге наша родственница, добрая старушка Мария Асоновна Секретарева. Но мы с братом не имели возможности уделять много времени на свидания с этими приезжими. Особенно я был слишком занят и редко куда-нибудь выходил из дома, кроме ежедневного посещения Академии.

В начале мая приехал в Петербург добрейший друг нашего дома Порф<ирий> Павл<ович> Коробьин, собравшийся за границу на воды. В конце месяца, когда он отправился на пароходе в Любек, мы с братом и Свечиным проводили его до Кронштадта, где обыкновенно путешествовавшие за границу пересаживались с речных невских пароходов на большие морские. Это пришлось в воскресенье, когда мы были свободны от служебных занятий; но в воскресные дни полагалось тогда офицерам выходить на улицу не иначе, как в мундире, и притом в летнее время в холщевых панталонах; поэтому я должен был совершать в такой неудобной форме всю поездку в Кронштадт и обратно. На беду мою, проводив Коробьина, вздумали мы возвратиться в Петербург через Стрельну, где у Свечина были хорошие знакомые и родственники Окуловы. Из Кронштадта взяли мы маленькую двухвесельную лодку, рассчитывая добраться до Стрельны на парусах в какой-нибудь час времени. Но крайне ошиблись в расчете: под вечер ветер затих, паруса бездействовали; лодочник, принужденный все время грести, выбился из сил, и проплыли мы таким об-

разом целую ночь в наших легких одеяниях. До Стрельны добрались мы едва только к рассвету, продрогнув от ночной свежести и сырости, выйдя на берег, разумеется, не хотели мы будить ночью наших знакомых и ждали с нетерпением часа, когда откроются двери какой-нибудь харчевни или лавочки, чтобы чем-нибудь согреться. Пришлось ждать долго; наконец, впустили нас в простую харчевню, где получили мы по стакану чая и затем поспешили нанять извозчика, который довез нас до Петербурга. Неудачная эта морская прогулка, в мундире и летних панталонах, не обошлась мне даром: я схватил сильную простуду и пролежал несколько недель в постели.

Вслед за тем приехал в Петербург отец нашего сожителя Свечина; он поселился у нас же в квартире. Между тем, наступило для меня время выезда из Петербурга на учебную съемку в окрестностях Ропши и Гостилиц. Почти весь июнь продолжалась подробная мензульная съемка, в масштабе 200 сажен в дюйме. Мне достался участок, ближайший к Ропше, вдоль нагорной полосы от деревни Елагиной до мызы Лапинской, которая входила уже в соседний участок моих товарищей, штабс-ротмистра Гертванова и поручика Глинки. На все время этой съемки водворился я в маленьком домике у пастора на мызе Новой и прожил довольно удобно, в лучших отношениях с моими добрыми хозяевами. Не совсем бесследными оказались те первые опыты, которые были мной сделаны в детстве на съемке бывшего нашего села Титова. Академическая моя работа с первого же раза пошла удачно; мне даже удалось несколько помочь моему соседу Глинке, который испортил было свой планшет.

В конце июня, ко времени окончания мензульной съемки, для проверки наших работ на месте, прибыли подполковники Стефан и Болотов, а к 1 июля приказано было всем офицерам практического отделения съехаться в Гостилицы, куда приехал и наш вице-директор, генерал-майор Ренненкампф, для осмотра привезенных офицерами работ. Пока мы были в Гостилицах, 2 июля посетили меня брат Николай и Сергей Алексеевич Авдулин, приехавшие прямо с петергофского праздника. Гостям своим я очень обрадовался, не видев никого из близких в продолжение целого месяца и даже не имев во все это время известий из Москвы. Да и сам я был лишен возможности поддерживать с кем-либо переписку, находясь на ежедневной работе в глухих местах, без всяких средств сообщения.

Второй период наших практических работ состоял в "полуинструментальной" съемке, с бусолью, в масштабе 1 версты в дюйме. Участки для этой работы, конечно, были несравненно обширнее прежних, мензульных. На моем участке приходились: Ропша, Кипень, деревни Глядино, Рудомюля и прочие. По обширности участка, приходилось переносить свою квартиру попеременно из одного пункта в другой. По окончании же этой съемки снимали мы "маршруты", проезжая в телеге несколько десятков верст. Мне достался маршрут вдоль шоссе от села Вруды через Ямбург до Нарвы. В заключение же всех

*Das Porträt im Buch
ist auch von schlechter
Qualität.*

*Карл Павлович
Ренненкампф*

лов до полных 560-ти. В то время для аттестации успехов учащихся была принята в нашей Военной Академии французская система, состоявшая в том, что каждому учебному предмету, смотря по важности его, присвоен известный коэффициент, на который помножаются цифры, установленные для означения градации успехов. Так, например, по главным предметам — тактике и стратегии (с военной историей) — полное число баллов положено было 100 и 80, тогда как по иностранным языкам — только 10. Недостававшие у меня баллы распределились между тактикой (99 вместо 100), иностранными языками и строевыми уставами. Общая сумма полученных баллов была одинакова у меня и у конкурировавшего со мной поручика артиллерии Штюмера, который по старшинству в чине и стал первым в списке выпускных офицеров, а я — вторым.

Но испытания по каждому предмету преподавания профессорами в присутствии ближайшего академического начальства считались только домашними экзаменами и не были еще последним решением нашей участи; пред-